MASTER
NEGATIVE
NO. 91-80018-19

MICROFILMED 1991

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES/NEW YORK

as part of the
"Foundations of Western Civilization Preservation Project"

Funded by the
NATIONAL ENDOWMENT FOR THE HUMANITIES

Reproductions may not be made without permission from
Columbia University Library

COPYRIGHT STATEMENT

The copyright law of the United States -- Title 17, United States Code -- concerns the making of photocopies or other reproductions of copyrighted material...

Columbia University Library reserves the right to refuse to accept a copy order if, in its judgement, fulfillment of the order would involve violation of the copyright law.

AUTHOR:

ROZANOV, SERGIEI P.

TITLE:

K VOPROSU O ZHITII PREPODOBNAGO

PLACE:

S.-PETERBURG

DATE:

1914

Master Negative #

91-80018-19

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES
PRESERVATION DEPARTMENT

BIBLIOGRAPHIC MICROFORM TARGET

Original Material as Filmed - Existing Bibliographic Record

947.04
R817

Rozanov, Sergiĭ Pavlovich
K voprosu o zhitiĭ prepodobnago Antoniia Pecherskago. [On the question of the Life of holy Anthony of Pechersk] S.-Peterburg, Tipografiia Imperatorskoĭ Akademii Nauk, 1914.
13 p. 26 cm.

At head of title: S.P. Rozanov.
Separate from "Izviestiia otdieleniia russkago iazyka i slovesnosti Imperatorskoĭ Akademii Nauk; vol. XIX (1914), pt. 1.

VOLUME OF PAMPHLETS
364471

Restrictions on Use:

TECHNICAL MICROFORM DATA

FILM SIZE: 35mm REDUCTION RATIO: 11
IMAGE PLACEMENT: IA IIA IB (IIB)
DATE FILMED: 4-24-91 INITIALS M.B.
FILMED BY: RESEARCH PUBLICATIONS, INC WOODBRIDGE, CT

AIIM

Association for Information and Image Management
1100 Wayne Avenue, Suite 1100
Silver Spring, Maryland 20910
301/587-8202

Centimeter

Inches

MANUFACTURED TO AIIM STANDARDS
BY APPLIED IMAGE, INC.

№ 6
V

С. П. Розановъ.

КЪ ВОПРОСУ

О

ЖИТІИ ПРЕПОДОБНАГО АНТОНІЯ ПЕЧЕРСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1914.

С. Т. Розановъ.

КЪ ВОПРОСУ

О

ЖИТІИ ПРЕПОДОБНАГО АНТОНІЯ ПЕЧЕРСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1914.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Апрѣль 1914 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. XIX (1914 г.), кн. 1.

Къ вопросу о Житіи преподобнаго Антонія Печерскаго.

Какъ вскрыто изслѣдованіями А. А. Шахматова[1]), Житіе Антонія Печерскаго представляетъ собою любопытнѣйшій памятникъ нашей древней письменности. Къ сожалѣнію, оно не дошло до насъ въ цѣломъ видѣ, и его приходится уже возстанавливать по тѣмъ извлеченіямъ, какія были сдѣланы изъ него начальной русской Лѣтописью и Кіево-Печерскимъ Патерикомъ.

Интересна судьба этого памятника: составленный въ концѣ XI столѣтія, онъ не получилъ, повидимому, широкаго распространенія, скоро былъ забытъ и затерялся. По крайней мѣрѣ въ началѣ XIII столѣтія извѣстныя посланія Симона и Поликарпа трактуютъ его какъ уже рѣдкое, малоизвѣстное, забытое[2]). А въ XVI вѣкѣ его уже нигдѣ не находятъ[3]). Тоже и въ XVII вѣкѣ[4]). Между тѣмъ это была не простая біографія личности Антонія, а вмѣстѣ и исторія обители Печерской, содержащая въ себѣ цѣлый рядъ историческихъ и легендарныхъ преданій о возникно-

---

1) Житіе Антонія и Печерская лѣтопись (Журн. Мин. Нар. Просв. 1898 г., кн. 3, стр. 105—149) и Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ (Спб. 1908, гл. XII, стр. 257—289).

2) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго монастыря, Археогр. Коммис. 1911 г., стр. 95—96.

3) См. Описаніе церк.-слав. и русск. рук. сборниковъ И. Публ. Библ. А. Ѳ. Бычкова, ч. I, с. 143 и Сырку, Изъ исторіи сношеній русскихъ съ румынами. Изв. II отд. Акад. Наукъ I, 499 и 537—538.

4) Предисловіе къ печатному Патерику 1661 г., см. у Шахм. Ж. М. Н. Пр. 1898, 3, стр. 106.

веніи Печерскаго монастыря. Симонъ и Поликарпъ, по ихъ собственному указанію, сдѣлали изъ него обширныя извлеченія въ свои сказанія о Печерскомъ монастырѣ. Естественно, поэтому, возникаетъ интересъ разгадать судьбу этого памятника.

Въ своемъ очеркѣ литературной исторіи этого Житія А. А. Шахматовъ указалъ на цѣлый рядъ извѣстій этого Житія, несогласныхъ съ другими древними свидѣтельствами о началѣ Печерскаго монастыря, особенно, напр., съ данными Житія Ѳеодосія Печерскаго, составленнаго Несторомъ. Авторъ объясняетъ это тенденціей составителя «прославить Печерскій монастырь и для этого отнести его основаніе ко временамъ давно минувшимъ, когда въ Россіи едва начиналось распространеніе христіанства». Это, по его мнѣнію, и дало Житію «сначала громкій успѣхъ, а потомъ печальную судьбу: его стали игнорировать, его забыли—оно слишкомъ противорѣчило какъ монастырской традиціи, такъ и письменнымъ памятникамъ, возросшимъ на этой самой традиціи—Житію Ѳеодосія и Лѣтописи [1]).

Въ недавней работѣ М. Д. Приселкова «Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси X—XII вв. [2])» мы встрѣчаемъ попытку вскрыть и тѣ обстоятельства русской церковно-политической жизни, которыя вызвали составленіе этого Житія. Усматривая въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ того времени центръ національной борьбы противъ «гречествующей» митрополичьей каѳедры, онъ въ Житіи Антонія видитъ одинъ изъ продуктовъ этой борьбы. По его представленію, оно, именно, было составлено при каѳедрѣ ко дню предполагавшейся канонизаціи преп. Антонія съ спеціальной цѣлію устранить канонизацію Ѳеодосія, чего такъ добивался Печерскій монастырь при сочувствіи и Кіевскаго общества. Въ дальнѣйшемъ авторъ и развиваетъ этотъ свой взглядъ, указывая между прочимъ и въ самомъ Житіи слѣды этой «гречествующей» составлявшей его руки.

Я совершенно несогласенъ съ этимъ положеніемъ изслѣдованія М. Д. Приселкова, но данное въ немъ освѣщеніе этого неяснаго памятника на-

1) Разысканія, стр. 275.
2) Спб. 1913 г.

столько опредѣленно и вмѣстѣ настолько интересно, что считаю необходимымъ остановиться на немъ подробно.

Прежде всего, вопросъ о канонизаціи Антонія. Авторъ предполагаетъ, что Житіе Антонія составлено ко дню этой канонизаціи, слѣдовательно, эта канонизація была дѣломъ опредѣленнымъ и рѣшеннымъ. Но вѣдь такой канонизаціи на самомъ дѣлѣ не было. Почему же она не состоялась, несмотря на то, что она лежала въ цѣляхъ политической борьбы каѳедры? Неужели каѳедра могла здѣсь встрѣтить неодолимыя препятствія со стороны монастыря? Конечно, нѣтъ. Да и нельзя себѣ представить, какимъ образомъ канонизація Антонія могла быть неугодной Печерскому монастырю. Напротивъ, монастырь не могъ бы не видѣть въ этомъ все-таки уступки со стороны каѳедры въ его борьбѣ съ ней за національное дѣло. Поэтому, представляется маловѣроятной самая такая затѣя со стороны каѳедры канонизаціи Антонія въ устраненіи канонизаціи Ѳеодосія.

Не вижу я признаковъ указанной тенденціи и въ самомъ Житіи, ни въ содержаніи ни въ тонѣ. А вѣдь какая бы искусная рука ни составляла такое Житіе, эта узкая тенденція непремѣнно бы выдала себя, непремѣнно бы отразилась хотя бы узостью самаго содержанія. Между тѣмъ содержаніе Житія Антонія прямо таки обращаетъ на себя вниманіе своей широтой: оно заключаетъ въ себѣ біографію цѣлаго ряда подвижниковъ Печерской обители. Для указанной тенденціи это совершенно излишне. Даже наоборотъ, это вело лишь къ прославленію монастыря, что, конечно, никогда не входило въ разсчеты каѳедры.

Къ тому же выводу приводитъ и наблюденіе общаго тона Житія Антонія. М. Д. Приселковъ утверждаетъ, что въ XIII в. составители Патерика, по крайней мѣрѣ еп. Симонъ, «понимали тенденціозность искаженій Житія Антонія» и старались «очистить его отъ гречествующихъ домысловъ» [1]). Что составители Патерика старались согласить данныя Житія Антонія съ другими преданіями—это несомнѣнно, но чтобы они видѣли здѣсь искаженіе гречествующей руки—это ни откуда не видно. Въ выраженіи Симона объ этомъ памятникѣ видно явное сочувствіе и

1) Стр. 248.

уваженіе къ нему. Очевидно онъ, этотъ горячій приверженецъ Печерской обители, выразившій въ порывѣ своего чувства желаніе быть лучше сметіемъ въ Лаврѣ, быть одинымъ отъ убогихъ предъ ея враты, нежели вдали занимать епископскую каѳедру [1]), очевидно онъ не чувствовалъ въ этомъ Житіи ничего противорѣчащаго такому его настроенію. Напротивъ, оно было для него и для другихъ авторитетно: «аще ли, пишетъ онъ Поликарпу, кому невѣрно мниться написаное се, да прочтеть Житія святаго Антонія отца нашего, начальника Русьскымъ мнихомъ, и тако да вѣруеть [2]). А если онъ иногда и не всѣмъ пользуется изъ содержанія этого Житія, то здѣсь очевидно больше всего играли роль соображенія чисто литературнаго характера, такъ какъ въ такихъ случаяхъ онъ не только не закрываетъ его отъ читателя, но наоборотъ отсылаетъ его къ нему, говоря: «въ житіи бо св. Антоніа се пространнѣе обрящеши» [3]), т. е. имѣемъ въ такихъ случаяхъ дѣло съ обычнымъ сокращеніемъ.

Правда, рѣзко подчеркиваемая въ Житіи связь Печерскаго монастыря съ Аѳономъ несомнѣнно тенденціозна. Но, во-первыхъ, какъ это убѣдительно доказалъ А. А. Шахматовъ [4]), всѣ эти рѣзкія мѣста представляютъ явно позднѣйшую вставку и даже не въ самое Житіе, а въ основанное на немъ «Сказаніе, что ради зоветься Печерскій монастырь», помѣщенное въ такъ называемомъ, по Шахматову, Начальномъ Лѣтописномъ сводѣ [5]) 1095 г. Но куда бы ни сдѣлана была эта вставка— кто же могъ быть болѣе въ ней заинтересованъ—митрополичья каѳедра или Печерскій монастырь? Конечно, монастырь! Въ самомъ дѣлѣ, что же изъ этого могла извлечь каѳедра въ своей борьбѣ съ монастыремъ? Вѣдь Аѳонъ всегда представлялъ особое монашеское государство, до XIV в. по крайней мѣрѣ совершенно не подчиненное духовнымъ владыкамъ. А слѣдовательно, связь Печерскаго монастыря съ такимъ центромъ ничего не могла обѣщать каѳедрѣ. Напротивъ, эта связь играла въ руку монастыря. По словамъ автора, такая именно идея и была усвоена Пе-

1) Патер., изд. Арх. Ком. 1911 г., стр. 76.
2) Тамъ же, стр. 183.
3) Тамъ же, стр. 7.
4) Разысканія, стр. 267.
5) Повѣсти врем. лѣтъ, подъ 1051 г.

черскимъ монастыремъ, но позднѣе, лишь къ концу XI вѣка, въ лицѣ его игумена Ивана [1]). Но непонятно, почему же ни для кого это раньше не только не было ясно, но производило какъ разъ обратное, добавимъ неестественное, впечатлѣніе? Но это, конечно, ошибка автора Очерковъ, въ каковую онъ введенъ собственной архитектоникой возстановленія древней жизни. Получилась какая-то игра, не рекомендующая ни митрополичью каѳедру, ни Печерскій монастырь въ ихъ недалекой догадливости. Такимъ образомъ, гораздо естественнѣе въ этихъ вставкахъ объ Аѳонѣ видѣть тенденцію отстоять самостоятельность Печерскаго монастыря отъ притязаній каѳедры.

Что, наконецъ, касается прочихъ признаковъ Житія, въ которыхъ авторъ явно усматриваетъ «гречествующую» руку, то изъ всѣхъ нихъ для меня представляется интереснымъ только приводимое имъ мѣсто изъ Житія Евстратія [2]), гдѣ авторъ, кстати, усматриваетъ уже не только «гречествующую» руку, но и прямо грека.

Здѣсь, именно, разсказывается, что когда Евстратій предалъ душу свою Господу, то «бѣ видѣти душу преподобнаго носиму на колесницѣ огнѣнѣ и кони огняни, и гласъ бысть греческыи: Се добрый небеснаго града гражданинъ нареченный. И сего ради (прибавляетъ Симонъ) протостраторъ зоветься въ Поминаніи вашемъ» [3]). Автора останавливаетъ здѣсь терминъ «греческыи», и онъ такъ его толкуетъ: «Едва ли какому-либо русскому литературному произведенію шла такая подробность. Но она характерна для Житія Антонія, составленнаго при митрополичьей каѳедрѣ гречествующею рукою, которая не могла себѣ представить Бога, говорящаго на другомъ языкѣ съ людьми кромѣ греческаго,—какъ не могли Ромеи допустить по искренней совѣсти и для обращенія къ Богу иного языка, кромѣ греческаго» [4]). На самомъ дѣлѣ терминъ «греческыи» можно объяснить гораздо проще. Вѣдь по Житію Евстратій Печерскій

1) Стр. 307.
2) Какъ видно изъ текста арсеніевской редакціи Патерика (стр. 180), это Житіе взято Симономъ именно изъ Житія Антонія. См. у Шахматова, Разысканія, стр. 276, примѣч.
3) Патерикъ, изд. Арх. Ком., стр. 79.
4) Стр. 242.

былъ проданъ Половцами Жидамъ въ Корсунь, гдѣ и былъ ими замученъ, а слѣдовательно, кто же могли быть свидѣтелями его смерти? Конечно только Греки; Грекъ очевидно составилъ и запись о мученіи и смерти Евстратія. Если, теперь, принять во вниманіе, что самое имя Евстратій греческое — Εὐ-στράτιος, то и станетъ понятнымъ, что соль небесной фразы «се добрый небеснаго града гражданинъ», заключающаяся въ игрѣ именно греческихъ словъ, которая въ переводѣ теряется, и заставила русскаго составителя Житія поставить передъ ней фразу: «глаголяй греческыи». Это толкованіе подтверждаетъ и очень интересная для насъ прибавка Симона: «И сего ради *протостраторъ* зоветься и въ Поминаніи вашемъ». Терминъ «протостраторъ» — византійскій (πρώτος — первый, высшій и στράτως, изъ латинск. strator, — конюшій) и означаетъ придворный [1]) чинъ, вродѣ нашего «конюшаго боярина» конца XVI столѣтія [2]). Самый этотъ греческій терминъ показываетъ, что онъ приложенъ былъ къ Евстратію уже среди Грековъ, т. е. въ Корсуни. Врядъ ли можно думать, что Евстратій все-таки еще въ Кіевѣ занималъ подобную должность [3]), такъ какъ въ плѣну его знали скорѣе только какъ монаха Печерскаго монастыря. Но пока намъ легче догадаться, какъ этотъ терминъ «протостраторъ» примѣнялъ къ Евстратію епископъ Симонъ. Предваряющая его фраза «и сего ради» («И сего ради протостраторъ зоветься») показываетъ, что Симонъ въ самомъ текстѣ Житія видѣлъ данныя для приложенія къ Евстратію эпитета «протостратора». И дѣйствительно, какъ мы видѣли, въ Житіи разсказывается, что по смерти Евстратія душа его «была носима на колесницѣ огнѣнѣ и кони огняни». Несомнѣнно, что эта колесница и кони видѣнія явились не случайно, но соотвѣтствовали чему-то и въ самой жизни Евстратія. Прибавка Симона и даетъ намъ основаніе предполагать, что, повидимому,

1) и военный (см. Словарь Дюканжа).

2) Въ статьѣ Хронографа Дороѳея Монемвасійскаго «Саны царствія греческаго...» этотъ чинъ стоитъ подъ № 6, между № 5 Великій доместикъ и № 7 Великій логоѳетъ (сп. Погод. № 1454, л. 543 об.). Упоминается этотъ чинъ еще, напр., въ Повѣсти о взятіи Константинополя, въ П. С. Р. Лѣтоп. т. XXII, ч. I, стр. 459.

3) Должность «конюшаго» упоминается въ описаніи бѣгства Игоря Святославича изъ плѣна подъ 1185 годомъ (Ипат. лѣт., стр. 651, изд. 2-е 1908 г.).

Евстратій занималъ въ Корсуни какую-то должность στρατωρ'а. Какъ видно изъ начала Житія, по своему происхожденію Евстратій принадлежалъ къ людямъ состоятельнаго класса, а кромѣ того, какъ увидимъ далѣе, онъ и самъ по себѣ былъ человѣкомъ недюжиннымъ. Понятно, что среди прочихъ плѣнниковъ онъ долженъ былъ выдѣляться и могъ, такимъ образомъ, быть взятымъ на должность. А что онъ дѣйствительно въ Корсуни игралъ какую-то роль, это видно изъ всей исторіи его мученической смерти. Житіе разсказываетъ, что въ то время въ Корсуни занималъ постъ эпарха крещенный Еврей, втайнѣ сочувствовавшій своимъ прежнимъ единовѣрцамъ. Этотъ эпархъ и «дасть дрѣзновеніе Жидовомъ по всей области греческаго царства, да купятъ христіаны въ работу себѣ». Здѣсь мы, такимъ образомъ, и находимъ объясненіе, какимъ образомъ Евстратій «вина бысть погибели злата» Еврея, купившаго его и другихъ печерскихъ иноковъ.

Начиная съ императора Констанція, а особенно при Константинѣ II (въ 339 г.) Ѳеодосіи I (384 г.), Граціанѣ, Ѳеодосіи II (417 г.), Іустиніанѣ и т. д., Евреямъ было запрещено владѣть рабами христіанами [1]). Но понятно, что на практикѣ эти законы часто не исполнялись (чѣмъ и вызывалось ихъ постоянное повтореніе), особенно въ отдаленныхъ провинціяхъ, представлявшихъ полный просторъ злоупотребленіямъ властей на этой почвѣ въ корыстныхъ цѣляхъ. Въ XI, напр., вѣкѣ (въ 1009 г.) подобный фактъ былъ обнаруженъ даже въ западной Европѣ, именно въ дѣлѣ Гунцелина маркграфа Мейсенскаго, обвиненнаго королемъ Генрихомъ въ томъ, что тотъ самъ продавалъ рабовъ Евреямъ [2]).

Такимъ образомъ, очевидно, что Евстратій, знавшій законъ, запрещавшій Евреямъ владѣть христіанами, возбуждалъ своихъ соотчичей не подчиняться Еврею: «уча и моля плѣнникы, наказоваше ихъ, глаголя: братіе, елико васъ крестися и въ Бога вѣровасте — не будемъ отмѣтницы своего обѣта, еже во святѣмь крещеніи. Христосъ бо ны искупи отъ клятвы законныа и породи водою и духомъ, сыны и наслѣдникы насъ

1) 5 Cod. Theod. 3, 1; 2, 3, 4 ibid. 16, 9; 22, 26 ibid. 16,8; 6 Cod. Iustin. 1, 3; см. Scherer, Die Rechtsverhältnisse der Juden... Leipzig 1901, p. 14—15.

2) Hoffmann, Der Geldhandel der ...Juden im Mittelalter bis zum Jahre 1350. Altenburg 1910, p. 18—19.

сътвори, то аще умремъ—Господеви умремъ, аще ли живемъ—бытію длъжнаа послужимъ» [1]). Въ результатѣ—всѣ 50 человѣкъ плѣнниковъ померли отъ глада и жажды, а Евстратій потомъ былъ распятъ на крестѣ. Но на этомъ дѣло не оканчивается. Смерть Евстратія вызываетъ негодованіе среди христіанскаго населенія Корсуни и его дѣло изъ личнаго становится общественнымъ. Посылаютъ доносъ императору, и тотъ назначаетъ слѣдствіе. Въ результатѣ процесса—«обличенъ бывъ нечестивый сей эпархъ и убіенъ бысть, по словеси блаженнаго Евстратія, и ту сущаа Жиды, иже озимствоваше в Коръсуни. И имѣніа отъимьше того Жидовина, а съдѣавьшаго на блаженнаго повѣсивша. Обрати бо ся болѣзнь того на главу его, на врьхъ того неправда его снидетъ... Окааніи же Жидовѣ, видѣвьше чудо страшно, и крестишася». Такъ представляетъ себѣ конецъ этой исторіи Житіе. Въ дѣйствительности, повидимому, дѣло обстояло нѣсколько иначе. Убіеніе эпарха, отнятіе имѣнія и повѣшеніе Еврея, владѣльца рабовъ-христіанъ, показываетъ, что врядъ ли тутъ былъ законный судъ, а скорѣе самосудъ толпы, т. е. то, что на теперешнемъ языкѣ называется «еврейскимъ погромомъ».

Такимъ образомъ, эти отрывки изъ Житія Евстратія возстанавливаютъ предъ нами цѣльную любопытную картину изъ жизни Корсуни приблизительно въ концѣ 80-хъ годовъ XI столѣтія [2]). И какъ видимъ, на фонѣ этой картины Евстратій занимаетъ крупную, центральную роль. Очевидно онъ не былъ простымъ плѣнникомъ рабомъ, если имѣлъ возможность и силу бороться за общее дѣло и въ этой борьбѣ быть чувствительнымъ для своихъ враговъ. Съ другой стороны, только будучи лицомъ извѣстнымъ обществу, Евстратій могъ обратить на себя общественное вниманіе и стать общественнымъ героемъ. А этимъ послѣднимъ, въ свою очередь, только и можно объяснить, что корсунскіе Греки не колеблясь причислили чужестранца Евстратія къ лику святыхъ мучениковъ и составили его Житіе. Поэтому нельзя ли предположить, что Евстратій одно время занималъ въ Корсуни должность στρατωρ'а и можетъ быть именно у самого эпарха. Но когда онъ вступился за своихъ соотчичей-христіанъ,

1) Стр. 78.
2) Шахматовъ. Разысканія, стр. 276, примѣч.

взятыхъ Евреями въ рабство, то эпархъ въ наказаніе возвратилъ его купившему его у Половцевъ Еврею, а тотъ поступилъ съ нимъ какъ съ рабомъ, казнивши его по своему усмотрѣнію, безъ всякаго суда. Благочестивое преданіе сдѣлало потомъ Евстратія изъ стратора протостраторомъ, а можетъ быть это сдѣлалъ и русскій составитель Житія Евстратія, знавшій по литературѣ только санъ протостратора.

Вотъ какъ, мнѣ кажется, нужно понимать въ Житіи Евстратія термины «глаголяй греческыи» и «протостраторъ». А слѣдовательно, и съ этой стороны я не вижу данныхъ, по которымъ мы должны считать Житіе Антонія плодомъ политики митрополичьей каѳедры въ ея борьбѣ съ національными стремленіями Печерскаго монастыря.

Съ своей стороны, я укажу на другіе пункты, съ которыхъ этотъ вопросъ получаетъ иное освѣщеніе.

Прежде всего, я считаю необходимымъ усилить тѣ соображенія, по которымъ мы должны вынести составленія Житія Антонія за предѣлы Печерскаго монастыря. Въ самомъ дѣлѣ, если бы въ Печерскомъ монастырѣ хранились всѣ эти преданія и самый взглядъ на Антонія, какіе мы находимъ въ его Житіи, то это не могло бы не отразиться на Несторовомъ Житіи Ѳеодосія, гдѣ авторъ непремѣнно отвелъ бы имъ у себя мѣсто; равно какъ и обратно — Ѳеодосіевскій періодъ жизни монастыря не могъ не отразиться на Житіи Антонія, составленнаго къ тому же несомнѣнно послѣ работы Нестора. Даже больше, мы должны вынести составленіе Житія Антонія не только за стѣны Печерскаго монастыря, но и за предѣлы Кіева. Этого требуютъ тѣ же обстоятельства, т. е. 1) полное отсутствіе признаковъ новой, Ѳеодосіевской, традиціи и 2) самая быстрота, съ какой успѣлъ создаться вокругъ личности Антонія цѣлый рядъ легендъ. Въ Кіевѣ Антоніевская традиція не могла бы сохраниться въ такомъ чистомъ видѣ. Кромѣ того, если бы такое Житіе создавалось въ Кіевѣ, то оно и само непремѣнно было бы тенденціознымъ, такъ какъ оно уже намѣренно отстраняло бы Ѳеодосіевскую традицію, и по выходѣ въ свѣтъ сейчасъ же бы заняло крупное мѣсто въ партійной жизни и монастыря и кіевскаго общества и непремѣнно такъ или иначе отразилось бы въ тогдашней литературѣ. А между тѣмъ мы опредѣленно можемъ сказать, что это произведеніе было

малоизвѣстное. Въ посланіи къ Акиндину Поликарпъ выражаетъ удивленіе, что до сихъ поръ еще не описаны («премолчана быша») жизнь и подвиги св. Антонія; «то аще толико светило угасе небреженіемь, то како отъ него луча въсіяють: сихъ мню преподобныхъ отець нашихъ Печерскихъ» [1]), прибавляетъ онъ. И сейчасъ же самъ дастъ объясненіе этому вопросу: «Но—пишетъ онъ—никоторый же пророкъ приятенъ есть въ отечествѣ своемъ». Изъ этихъ словъ Поликарпа мы можемъ констатировать, что 1) до того времени въ Печерскомъ монастырѣ и вообще въ Кіевѣ неизвѣстно было какое-либо спеціальное описаніе жизни Антонія, вродѣ этого Житія, и 2) что Поликарпъ объяснялъ это обычной близорукостью современниковъ, не разгадавшихъ въ Антоніи свѣтила первой величины. Но здѣсь является вопросъ: какъ могъ говорить все это Поликарпъ, держа въ рукахъ найденное имъ или Симономъ Житіе Антонія? Почему онъ не сказалъ, что вотъ небреженіемъ нашимъ совсѣмъ было утратились извѣстія о свѣтильникахъ нашей духовной жизни? Я это только и могу объяснить тѣмъ, что Поликарпу хорошо было извѣстно, что такого Житія въ Печерскомъ монастырѣ, отечествѣ преп. Антонія, не было, и что оно, слѣдовательно, было составлено внѣ его. Это, естественно, и вызвало у него фразу упрека по отношенію къ Печерскому монастырю: «никоторый же пророкъ пріятенъ есть въ отечествіи своемь».

Гдѣ же внѣ Кіева могло быть составлено Житіе Антонія? Гдѣ кромѣ Печерскаго монастыря могла чтиться память этого святого? Можно указать на два такихъ мѣста, это 1) Болдинскій монастырь, около Чернигова, построенный вблизи пещеры, гдѣ одно время подвизался преп. Антоній [2]) и 2) Тмутараканскій монастырь, основанный Никономъ Печерскимъ. О связи Болдинскаго монастыря съ Кіево-Печерскимъ намъ почти ничего неизвѣстно. Но связь Тмутараканскаго монастыря съ Печерскимъ несомнѣнна. Никонъ, сотрудникъ преп. Антонія, пришедшій къ нему еще до Ѳеодосія, основавъ монастырь въ Тмутаракани, жилъ тамъ довольно долго, приблизительно съ 1061 по 1067 годъ [3]), и не-

1) Патерикъ, изд. Арх. Ком. стр. 95.
2) Ипат. лѣт. подъ 6677 (1069) г.
3) Шахматовъ, Разысканія, стр. 435.

сомнѣнно братія этого монастыря много знала черезъ него изъ жизни Антонія и другихъ печерянъ, его современниковъ. Изъ Тмутаракани Никонъ пріѣзжалъ въ Печерскій монастырь, а въ 1068 году онъ и совсѣмъ переселяется сюда и живетъ здѣсь до 1073 года. Въ этомъ году онъ снова принужденъ былъ покинуть Печерскій монастырь и уйти въ Тмутаракань, при чемъ съ нимъ ушли туда и еще два Печерскихъ чернориза. Наконецъ, когда-то уже послѣ смерти Ѳеодосія онъ снова возвращается въ Печерскій монастырь и, выбранный тамъ послѣ Стефана въ игумены, тамъ и оканчиваетъ свою жизнь въ 1088 году. Такимъ образомъ мы можемъ опредѣленно говорить, что Тмутараканскій монастырь находился въ постоянной связи съ Печерскимъ монастыремъ и съ ростомъ славы послѣдняго несомнѣнно гордился этими связями и особенно, конечно, въ самомъ своемъ происхожденіи. Но понятно, что въ представленіи Тмутараканскихъ иноковъ ореолъ Печерской обители росъ около личности Антонія, а не Ѳеодосія. Изъ Ѳеодосіевскаго монастыря къ нимъ приходили живые свидѣтели обыденной жизни этого монастыря, можетъ быть даже недовольные или во всякомъ случаѣ не изъ горячихъ его приверженцевъ, а это, конечно, еще болѣе заставляло воображеніе работать надъ идеализаціей прошлаго. Здѣсь Антоніевская традиція могла не только сохраниться въ чистомъ видѣ, но и безпрепятственно расти.

Если мы обратимся къ содержанію самого Житія Антонія, то и въ немъ можемъ найти подтвержденіе такому предположенію, именно въ упомянутомъ выше Житіи Евстратія Печерскаго. Какъ было указано, первая запись о страданіяхъ и смерти Евстратія могла быть сдѣлана только на мѣстѣ, въ Корсуни, а изъ Корсуни она естественно прежде всего могла попасть въ Тмутараканскій монастырь.

Итакъ, всѣ эти соображенія приводятъ къ выводу, что тотъ кругъ преданій о началѣ Кіево-Печерскаго монастыря, съ личностью Антонія въ центрѣ, могъ сложиться всего вѣроятнѣе въ Тмутараканскомъ монастырѣ. А отсюда естественно предполагать, что именно здѣсь и была составлена по крайней мѣрѣ первая редакція Житія Антонія.

Слѣдующимъ этапомъ, если не въ развитіи, то въ распространеніи этого Житія могъ быть Черниговъ, бывшій въ живыхъ сношеніяхъ и съ Тмутараканскимъ княжествомъ вообще, особенно въ періодъ княженія

тамъ Глѣба, сына Святослава Черниговскаго, и въ частности съ самимъ Тмутараканскимъ монастыремъ въ лицѣ его основателя Никона. Слѣдуетъ, кромѣ того, имѣть въ виду съ одной стороны тѣ симпатіи Святослава къ Антонію, которыя сказались въ помощи его послѣднему при его столкновеніи съ великимъ княземъ Изяславомъ, а съ другой—то враждебное отношеніе Ѳеодосія къ Святославу, когда послѣдній занялъ Кіевскій столъ, изгнавъ Изяслава. Подобныя обстоятельства естественно могли и внѣ Тмутараканскаго монастыря образовать ту среду, куда перешло и было принято Житіе Антонія.

Итакъ, я не вижу основаній усматривать въ Житіи Антонія какую-либо сознательную партійную тенденціозность. Напомню еще разъ о богатствѣ содержанія этого Житія и не только въ сферѣ легендарной, но и чисто исторической, какъ это вскрыто изслѣдованіями А. А. Шахматова, напр., по поводу сказанія о житіи Моисея Угрина[1]).

На основаніи всего этого я считаю возможнымъ болѣе опредѣленно отнестись и къ нѣкоторымъ другимъ свѣдѣніямъ этого Житія, именно относящимся къ личности самого Антонія. Такъ, во-первыхъ, я считаю фактомъ сообщеніе Житія о путешествіи Антонія на Аѳонъ. Доказательствомъ для меняявляется самая эта указанная выше тенденціозная вставка, съ помощію которой Печерскій монастырь старался использовать это сообщеніе въ борьбѣ за свою самостоятельность. Эти подчеркиванія вѣдь только и могли имѣть значеніе при общемъ признаніи самого факта. Конечно, это также было преданіе, но, какъ видимъ, отрицать его мы не можемъ ни по даннымъ свидѣтельства древности (Симонъ съ Поликарпомъ и составитель т. наз. начальнаго свода Лѣтописи), ни по характеру самого Житія.

Во-вторыхъ, фактомъ же считаю и сообщеніе Житія о томъ, что Антоній имѣлъ священный санъ. Возраженіе этому обычно видится въ томъ, что по Житію Ѳеодосія Антоній никого не постригалъ самъ, но постоянно поручалъ это Никону. Но это объясняется просто складомъ характера и убѣжденій Антонія, всегда избѣгавшаго общественной жизни, а тѣмъ болѣе какой-либо оффиціальной роли: «преподобный же Антоній—

1) Разысканія, стр. 261—265.

пишетъ о немъ Несторъ въ Житія Ѳеодосія—якоже бѣ обыклъ единъ жити и не трѣпя всякаго мятежа и млѣвы, затворися въ единой кѣліи печеры, поставивъ въ себѣ мѣсто блаженнаго Варлаама[1]). Съ другой стороны, какъ все-таки видно изъ Житія Антонія, Несторъ не зналъ вообще начальнаго періода Печерской обители, а засталъ онъ уже то время, когда Антоній уклонялся отъ какой бы то ни было оффиціальной роли. Не нужно также забывать, что Несторъ писалъ именно Житіе Ѳеодосія, а не исторію Печерскаго монастыря.

С. Розановъ.

1) Патерикъ, стр. 26.